

ЭДГАР АЛЛАН ПО

ЧЕЛОВЕК ТОЛПЫ

The Man of the Crowd

Миры Эдгара По

Эдгар Аллан По

Человек толпы (сборник)

«ФТМ»

«АСТ»

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)

По Э.

Человек толпы (сборник) / Э. По — «ФТМ», «АСТ», — (Миры
Эдгара По)

ISBN 978-5-17-103709-3

Эдгар Аллан По не нуждается в особенном представлении. Прозаик, поэт, литературный критик, этот человек навсегда вписал свое имя в зал славы мировой литературы. Создатель формы современного детектива, «отец современной психологической прозы», «певец темных сторон человеческой природы», способствовавший формированию и развитию научной фантастики и предвосхитивший литературу декаданса. По мнению исследователей его творчества, По окончательно завершил формирование не только американской, но и мировой новеллистики и у него больше общего с деятелями культуры XXI века, чем с современниками.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)

ISBN 978-5-17-103709-3

© По Э.
© ФТМ
© АСТ

Содержание

Фолио Клуб	6
Метценгерштейн	8
Герцог де Л'Омлет	14
На стенах иерусалимских	18
Потеря дыхания	22
Бон-Бон	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Эдгар Аллан По

Человек толпы

© Перевод с англ. З. Александровой, наследники, 2017

© Перевод с англ. Р. Облонской, наследники, 2017

© Перевод с англ. И. Бернштейн, наследники, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Фолио Клуб

*Тут хитрость в духе Макьявелли –
Ее не все понять сумели.*

Батлер¹

Должен с сожалением сказать, что Фолио Клуб – не более как скопище скудоумия. Считаю также, что члены его столь же уродливы, сколь глупы. Полагаю, что они твердо решили уничтожить Литературу, ниспровергнуть Прессу и свергнуть Правительство Имен Собственных и Местоимений. Таково мое личное мнение, которое я сейчас осмеливаюсь огласить.

А между тем, когда я, всего какую-нибудь неделю назад, вступал в это дьявольское объединение, никто не испытывал к нему более глубокого восхищения и уважения, чем я. Отчего в моих чувствах произошла перемена, станет вполне ясно из дальнейшего. Одновременно я намерен реабилитировать собственную личность и достоинство Литературы. Обратившись к протоколам, я установил, что Фолио Клуб был основан как таковой – дня – месяца – года. Я люблю начинать с начала и питаю особое пристрастие к датам. Согласно одному из пунктов принятого в ту пору Устава, членами Клуба могли быть только лица образованные и остроумные; а признанной целью их союза было «просвещение общества и собственное развлечение». Ради этой последней цели на дому одного из членов клуба ежемесячно проводится собрание, куда каждый обязан принести сочиненный им самим Короткий Рассказ в Прозе. Каждое такое сочинение читается автором перед собравшимися за стаканом вина, после обеда. Все, разумеется, соперничают друг с другом, тем более что автор «Лучшего Рассказа» становится *pro tern*² Председателем клуба; должность эта весьма почетна, почти не сопряжена с расходами и сохраняется за занимающим ее лицом, пока его не вытеснит еще лучший рассказчик. И наоборот, автор рассказа, признанного худшим, обязан оплатить обед и вино на следующем очередном собрании общества. Это оказалось отличным способом привлекать время от времени новых членов вместо какого-нибудь несчастливца, который, проиграв такое угощение два-три раза подряд, натурально отказывался и от «высокой чести», и от членства. Число членов Клуба не должно превышать одиннадцати. На это имеется ряд основательных причин, которые нет надобности излагать, но о которых догадается всякий мыслящий человек. Одна из них состоит в том, что первого апреля, в год триста пятидесятый перед Потопом, на солнце, как говорят, было ровно одиннадцать пятен. Читатель заметит, что в этом кратком очерке истории Общества я не даю воли своему негодованию и пишу с редким беспристрастием и терпимостью. Для *expose*³, которое я намерен сделать, достаточно привести протокол собрания Клуба от прошлого вторника, когда я дебютировал в качестве члена этого общества, будучи избран вместо достопочтенного Огастеса Зачерктона, вышедшего из его состава.

В пять часов пополудни я, как было условлено, явился к мистеру Руж-э-Нуар, почтителю леди Морган⁴, признанному в предыдущем месяце автором худшего рассказа. Я застал собравшихся уже в столовой и должен признать, что яркий огонь камина, комфортабельная обстановка комнаты и отлично сервированный стол, равно как и достаточная уверенность в

¹ Батлер, Самюэл (1612–1680) – английский поэт-сатирик. Цитата взята из его героикомической поэмы «Гудибрас» (1663–1678), часть I, песнь 1.

² Временно (лат.).

³ Сообщения (фр.).

⁴ Леди Морган, урожденная Сидни Оуэнсон (1783–1859) – английская писательница, вокруг имени которой в начале XIX в. возникали горячие литературные споры. Ей принадлежат романы из ирландской жизни.

своих способностях, настроили меня весьма приятно. Я был встречен с большим радушием и пообедал, крайне довольный вступлением в общество столь знающих людей.

Членами его были большей частью очень примечательные личности. Это был прежде всего мистер Щелк, председатель, чрезвычайно худой человек с крючковатым носом, бывший сотрудник «Обозрения для глупцов».

Был там также мистер Конволвулус Гондола, молодой человек, объездивший много стран.

Был Де Рерум Натура, эсквайр, носивший какие-то необыкновенные зеленые очки.

Был очень маленький человечек в черном сюртуке, с черными глазами.

Был мистер Соломон Гольфштрем, удивительно похожий на рыбу.

Был мистер Оррибиле Дикту, с белыми ресницами и дипломом Геттингенского университета.

Был мистер Блэквуд Блэквуд⁵, написавший ряд статей для иностранных журналов.

Был хозяин дома, мистер Руж-э-Нуар, поклонник леди Морган.

Был некий толстый джентльмен, восхищавшийся Вальтером Скоттом.

Был еще Хронологос Хронолог, почитатель Хорейса Смита⁶, обладатель большого носа, побывавшего в Малой Азии.

Когда убрали со стола, мистер Щелк сказал, обращаясь ко мне: «Полагаю, сэр, что едва ли есть надобность знакомить вас с правилами Клуба. Вам, я думаю, известно, что мы стремимся просвещать общество и развлекать самих себя. Сегодня, однако, мы ставим себе лишь эту вторую цель и ждем, чтобы и вы внесли свой вклад. А сейчас я приступлю к делу». Тут мистер Щелк, отставив от себя бутылку, достал рукопись и прочел следующее.

⁵ *Блэквуд Блэквуд*. – В этом рассказе каждое из имен обыгрывает различные понятия. Например: Де Рерум Натура – название поэмы Лукреция «О природе вещей». Оррибиле Дикту – латинская фраза: «страшно произнести». Блэквуд Блэквуд – название популярного английского журнала того времени «Блэквудс мэгезин».

⁶ *Смит, Хорейс* (1779–1849) – английский писатель, автор романов, в которых он подражает Вальтеру Скотту. В своем рассказе «На стенах иерусалимских» По пародирует один из эпизодов романа Х. Смита «Зилла. Повесть о священном граде» (1828).

Метценгерштейн

Pestis eram vivus – moriens tua mors ero.
*Мартин Лютер*⁷

Ужас и рок преследовали человека извечно. Зачем же в таком случае уточнять, когда именно сбылось то пророчество, к которому я обращаюсь? Достаточно будет сказать, что в ту пору, о которой пойдет речь, в самых недрах Венгрии еще жива и крепка была вера в откровения и таинства учения о переселении душ. О самих этих откровениях и таинствах, заслуживают ли они доверия или ложны, умолчу. Полагаю, однако, что недоверчивость наша (как говаривал Лабрюйер⁸ обо всех наших несчастьях, вместе взятых) в значительной мере «vient de ne pouvoir etre seule»⁹. Учение о метемпсихозе решительно поддерживает Мерсье¹⁰ в «L'an deux mille quatre cents quarante», а И. Дизраэли говорит, что «нет ни одной другой системы»¹¹, столь же простой и восприятию которой наше сознание противилось бы так же слабо». Говорят, что ревностным поборником идеи метемпсихоза был и полковник Итен Аллен¹², один из «Ребят с Зеленой горы».

Но в некоторых своих представлениях венгерская мистика придерживалась крайностей, почти уже абсурдных. Они, венгры, весьма существенно отличались от своих властителей с Востока. И они, например, утверждали: «Душа» – (привожу дословно сказанное одним умнейшим и очень глубоким парижанином) – «ne demeure qu'une seule fois dans un corps sensible: au reste – un cheval, un chien, un homme meme, n'est que la ressemblance peu tangible de ces animaux».¹³

Распря между домами Берлифитцингов и Метценгерштейнов исчисляла свою давность веками. Никогда еще два рода столь же именитых не враждовали так люто и непримиримо. Первопричину этой вражды искать, кажется, следовало в словах одного древнего прорицания: «Страшен будет закат высокого имени, когда, подобно всаднику над конем, смертность Метценгерштейна восторжествует над бессмертием Берлифитцинга».

Конечно, сами по себе слова эти маловразумительны, если не бессмысленны вообще. Но ведь событиям столь же бурным случалось разыгрываться, и притом еще на нашей памяти, и от причин, куда более ничтожных. Кроме же всего прочего смежность имений порождала раздоры, отражавшиеся и на государственной политике. Более того, близкие соседи редко бывают друзьями, а обитатели замка Берлифитцинг могли с бойниц своей твердыни смотреть прямо в окна дворца Метценгерштейн. Подобное же лицемерие неслыханной у обычных феодалов

⁷ При жизни был для тебя несчастьем; умирая, буду твоей смертью (*лат.*) – начало латинского стихотворения Мартина Лютера (1483–1546).

⁸ Лабрюйер, Жан (1645–1696) – французский писатель, сатирик-моралист. Цитата взята из его книги «Характеры, или Нравы нашего века» (1688), глава XI. О человеке, 99 («Вся наша беда в том, что мы не умеем быть одни»).

⁹ Проистекает от того, что мы не умеем быть одни (*фр.*).

¹⁰ Мерсье, Луи Себастьян (1740–1814) – французский писатель. В его утопическом романе «2440 год, сон, каких мало» (1770) нарисован руссоистский идеал общественного и государственного устройства будущего, во многом совпадающий с более поздними представлениями французского утопического социализма. В декабре 1844 г. По вновь возвращается к роману «2440 год» и пишет в «Демократик ревью», что книга Мерсье «будит мысль, заставляет о многом задуматься».

¹¹ «нет ни одной другой системы...» – слова из главы «Метемпсихоз» в книге английского писателя Исаака Дизраэли (1766–1848) «Достопримечательности литературы» (1791–1793; 1823). Метемпсихоз – религиозно-мистическое учение о переходе души из одного организма, после его смерти, в другой организм.

¹² Аллен, Итен (1738–1789) – участник американской революции, глава отряда повстанцев, известного под именем «Ребята с Зеленой горы». Аллену принадлежит трактат «Разум – единственный оракул человека» (1789), в котором он развивает идеи деизма и реинкарнации.

¹³ Лишь один раз вселяется в живое пристанище, будь то лошадь, собака, даже человек, впрочем, разница между ними не так уж велика (*фр.*).

роскоши меньше всего могло способствовать умиротворению менее родовитых и менее богатых Берлифитцингов. Стоит ли удивляться, что при всей нелепости старого предсказания, из-за него все же разгорелась неугасимая вражда между двумя родами, и без того всячески подстрекаемыми застарелым соперничеством и ненавистью. Пророчество это, если принимать его хоть сколько-нибудь всерьез, казалось залогом конечного торжества дома и так более могущественного, и, само собой, при мысли о нем слабейший и менее влиятельный бесновался все более злобно.

Вильгельм, граф Берлифитцинг, при всей его высокородности, был к тому времени, о котором идет наш рассказ, немощным, совершенно впадшим в детство старцем, не примечательным ровно ничем, кроме безудержной, закоснелой ненависти к каждому из враждебного семейства, да разве тем еще, что был столь завзятым лошадиником и так помешан на охоте, что при всей его дряхлости, преклонном возрасте и старческом слабоумии у него, бывало, что ни день, то снова лов.

Фредерик же, барон Метценгерштейн, еще даже не достиг совершеннолетия. Отец его, министр Г., умер совсем молодым. Мать, леди Мари, ненадолго пережила супруга. Фредерику в ту пору шел восемнадцатый год¹⁴. В городах восемнадцать лет – еще не возраст; но в дремучей глуши, в таких царственных дебрях, как их старое княжество, каждый взмах маятника куда полновесней.

В силу особых условий, оговоренных в духовной отцом, юный барон вступал во владение всем своим несметным богатством сразу же после кончины последнего. До него мало кому из венгерской знати доставались такие угодья. Замкам его не было счета. Но все их затмевал своей роскошью и грандиозностью размеров дворец Метценгерштейн. Угодья его были немерены, и одна только граница дворцового парка тянулась целых пятьдесят миль, прежде чем замкнуться.

После вступления во владение таким баснословным состоянием господина столь юного и личности столь заметной недолго пришлось гадать насчет того, как он проявит себя. И верно, не прошло и трех дней, как наследник переиродил самого царя Ирода¹⁵ и положительно посрамил расчеты самых загубелых из своих выдавших виды холопов. Гнусные бесчинства, ужасающее вероломство, неслыханные расправы очень скоро убедили его трепещущих вассалов, что никаким раболепством его не умиловишь, а совести от него и не жди, и, стало быть, не может быть ни малейшей уверенности, что не попадешь в безжалостные когти местного Калигулы¹⁶. На четвертую ночь запылали конюшни в замке Берлифитцинг, и стоустая молва по всей округе прибавила к страшному и без того списку преступлений и бесчинств барона еще и поджог.

Но пока длился переполох, поднятый этим несчастьем, сам юный вельможа сидел, видимо весь уйдя в свои думы, в огромном, пустынном верхнем зале дворца Метценгерштейн. Бесценные, хотя и выцветшие от времени гобелены, хмуро смотревшие со стен, запечатлели темные, величественные лики доброй тысячи славных предков. Здесь прелаты в горностаевых мантиях и епископских митрах по-родственному держали совет с всесильным временщиком и сувереном о том, как не давать воли очередному королю, или именем папского всемогущества отражали скипетр сатанинской власти. Там высокие темные фигуры князей Метценгерштейн на могучих боевых конях, скачущих по телам поверженных врагов, нагоняли своей злобной выразительностью страх на человека с самыми крепкими нервами; а здесь обольстительные

¹⁴ ...*восемнадцатый год* – в прижизненных изданиях этого рассказа везде «пятнадцатый год». Изменение возраста барона Фредерика, вероятно, было сделано Грисволдом в угоду благопристойности.

¹⁵ ...*переиродил... Ирода...* – шекспировское выражение («Гамлет», III, 2), ставшее поговоркой. Ирод – царь Иудеи, излюбленный персонаж средневековых религиозных драм, наделавшийся чертами жестокости и кровожадности.

¹⁶ *Калигула, Гай* (12–41) – римский император (37–41), сумасбродный и развратный деспот, возвел своего коня Резвого в звание консула. Очевидно, По не случайно дает своему герою имя Фредерика, ибо английским Калигулой называли принца Уэльского Фредерика (1707–1751).

фигуры дам невозвратных дней лебедями проплывали в хороводе какого-то неземного танца, и его напев, казалось, так и звучит в ушах.

Но пока барон прислушивался или старался прислушаться к оглушительному гаму в конюшнях Берлифитцинга, или, может быть, замышлял уже какое-нибудь бесчинство поновей и еще отчаянней, взгляд его невзначай обратился к гобелену с изображением огромного коня диковинной масти, принадлежавшего некогда сарацинскому предку враждебного рода. Конь стоял на переднем плане, замерев, как статуя, а чуть поодаль умирал его хозяин, заколотый кинжалом одного из Метценгерштейнов.

Когда Фредерик сообразил наконец, на что невольно, сам собой обратился его рассеянный взгляд, губы его исказила дьявольская гримаса. Но оцепенение не прошло. Напротив, он и сам не мог понять, что за неодолимая тревога застилает, словно пеленой, все, что он видит и слышит. И нелегко ему было примирить свои дремотные, бессвязные мысли с сознанием, что все это творится с ним не во сне, а наяву. Чем больше присматривался он к этой сцене, тем невероятней казалось, что ему вообще удастся оторвать от нее глаза – так велика была притягательная сила картины. Но шум за стенами дворца вдруг стал еще сильнее, и когда он с нечеловеческим усилием заставил себя оторваться от картины, то увидел багровые отблески, которые горящие конюшни отбрасывали в окна дворцового зала.

Но, отвлекшись было на миг, его завороченный взгляд сразу послушно вернулся к той же стене. К его неописуемому изумлению и ужасу, голова коня-великана успела тем временем изменить свое положение. Шея коня, прежде выгнутая дугой, когда он, словно скорбя, склонял голову над простертым телом своего повелителя, теперь вытянулась во всю длину по направлению к барону. Глаза, которых прежде не было видно, смотрели теперь настойчиво, совсем как человеческие, пылая невиданным кровавым огнем, а пасть разъяренной лошади вся ощерилась, скаля жуткие, как у мертвеца, зубы.

Пораженный ужасом, барон неверным шагом устремился к выходу. Едва только он распахнул дверь, ослепительный красный свет, сразу заливший весь зал, отбросил резкую, точно очерченную тень барона прямо на заколыхавшийся гобелен, и он содрогнулся, заметив, что тень его в тот миг, когда он замешкался на пороге, в точности совпала с контуром безжалостного, ликующего убийцы, сразившего сарацина Берлифитцинга.

Чтобы рассеяться, барон поспешил на свежий воздух. У главных ворот он столкнулся с тремя конюхами. Выбиваясь из сил, несмотря на смертельную опасность, они удерживали яростно вырывающегося коня огненно-рыжей масти.

– Чья лошадь? Откуда? – спросил юноша резким, но вдруг сразу охрипшим голосом, ибо его тут же осенило, что это бешеное животное перед ним – живой двойник загадочного скакуна в гобеленовом зале.

– Она ваша, господин, – отвечал один из конюхов, – во всяком случае, другого владельца пока не объявилось. Мы переняли ее, когда она вылетела из горящих конюшен в замке Берлифитцинг – вся взмыленная, словно взбесилась. Решив, что это конь из выводных скакунов с графского завода, мы отвели было его назад. Но тамошние конюхи говорят, что у них никогда не было ничего похожего, и это совершенно непонятно – ведь он чудом уцелел от огня.

– Отчетливо видны еще и буквы «В. Ф. Б.», выжженные на лбу, – вмешался второй конюх, – я решил, что они безусловно обозначают имя: «Вильгельм фон Берлифитцинг», но все в замке в один голос уверяют, что лошадь не их.

– Весьма странно! – заметил барон рассеянно, явно думая о чем-то другом. – А лошадь действительно великолепна, чудо что за конь! Хотя, как ты правильно заметил, норовиста, с такой шутки плохи; что ж, ладно, – беру, – прибавил он, помолчав, – такому ли наезднику, как Фредерик Метценгерштейн, не объездить хоть самого черта с конюшен Берлифитцинга!

– Вы ошибаетесь, господин; лошадь, как мы, помнится, уже докладывали, не из графских конюшен. Будь оно так, уж мы свое дело знаем и не допустили бы такой оплошности, не рискнули бы показаться с ней на глаза никому из благородных представителей вашего семейства.

– Да, конечно, – сухо обронил барон, и в тот же самый миг к нему, весь красный от волнения, подлетел слуга, примчавшийся со всех ног из дворца. Он зашептал на ухо господину, что заметил исчезновение куска гобелена. И принялся сообщать какие-то подробности, но говорил так тихо, что изнывающие от любопытства конюхи не расслышали ни слова.

В душе у барона, пока ему докладывали, казалось, царила полнейшая сумятица. Скоро он, однако, овладел собой; на лице его появилось выражение злобной решимости, и он распорядился сейчас же запереть зал, а ключ передать ему в собственные руки.

– Вы уже слышали о жалком конце старого охотника Берлифитцинга? – спросил кто-то из вассалов, когда слуга скрылся, а огромного скакуна, которого наш вельможа только что приобрел к своей собственности, уже вели, беснующегося и рвущегося, по длинной аллее от дворца к конюшням.

– Нет! – отозвался барон, резко повернувшись к спросившему. – Умер? Да что вы говорите!

– Это так, ваша милость, и для главы вашего семейства это, по-моему, не самая печальная весть.

Мимолетная улыбка скользнула по губам барона:

– И как же он умер?

– Он бросился спасать своих любимцев из охотничьего выезда и сам сгорел.

– В са-мом де-ле! – протянул барон, который, казалось, медленно, но верно проникался сознанием правильности какой-то своей догадки.

– В самом деле, – повторил вассал.

– Прискорбно! – сказал юноша с полным равнодушием и не спеша повернул во дворец.

С того самого дня беспутного юного барона Фредерика фон Метценгерштейна словно подменили. Правда, его теперешний образ жизни вызывал заметное разочарование многих хитроумных маменек, но еще меньше его новые замашки вязались с понятиями аристократических соседей. Он не показывался за пределами своих владений, и на всем белом свете не было у него теперь ни друга, ни приятеля, если, правда, не считать той непонятной, неукротимой огненно-рыжей лошади, на которой он теперь разъезжал постоянно и которая, единственная, по какому-то загадочному праву именовалась его другом.

Однако еще долгое время бесчисленные приглашения от соседей сыпались ежедневно. «Не окажет ли барон нашему празднику честь своим посещением?..», «Не соизволит ли барон принять участие в охоте на кабана?..» «Метценгерштейн не охотится», «Метценгерштейн не придет», – был высокомерный и краткий ответ.

Для заносчивой знати эти бесконечные оскорбления были нестерпимы. Приглашения потеряли сердечность, становились все реже, а со временем прекратились совсем. По слухам, вдова злополучного графа Берлифитцинга высказала даже уверенность, что «барон, видимо, отсиживается дома, когда у него нет к тому ни малейшей охоты, так как считает общество равных ниже своего достоинства; и ездит верхом, когда ему совсем не до езды, так как предпочитает водить компанию с лошадью». Это, разумеется, всего лишь нелепый образчик вошедшего в семейный обычай злословия, и только то и доказывает, какой бессмыслицей могут обернуться наши слова, когда нам не удается высказаться повыразительней.

Люди же более снисходительные объясняли внезапную перемену в поведении молодого вельможи естественным горем безвременного осиротевшего сына, забыв, однако, что его зверства и распутство начались чуть ли не сразу же после этой утраты. Были, конечно, и такие, кто высказывал, не обинуясь, мысль о сомнении и надменности. А были еще и такие – среди них не мешает упомянуть домашнего врача Метценгерштейнов, – кто с полным убеждением

говорил о черной меланхолии и нездоровой наследственности; среди черни же в ходу были неясные догадки еще более нелестного толка.

Действительно, ни с чем не сообразное пристрастие барона к его новому коню, пристрастие, которое словно бы переходило уже в одержимость от каждого нового проявления дикости и дьявольской свирепости животного, стало в конце концов представляться людям благоразумным каким-то чудовищным и совершенно противоестественным извращением. В полуденный зной или в глухую ночную пору, здоровый ли, больной, при ясной погоде или в бурю, юный Метценгерштейн, казалось, был прикован к седлу этой огромной лошади, чья безудержная смелость была так под стать его нраву.

Были также обстоятельства, которые вкуче с недавними событиями придавали этой мании наездника и невиданной мощи коня какой-то мистический, зловещий смысл. Замечав акkuratнейшим образом скачок лошади, установили, что действительная его длина превосходит самые невероятные предположения людей с самым необузданным воображением настолько, что разница эта просто не укладывается в уме. Да к тому же еще барон держал коня, так и не дав ему ни имени, ни прозвища, а ведь все его лошади до единой носили каждая свою и всегда меткую кличку. Конюшня ему тоже была отведена особая, поодаль от общих; а что же касается ухода за конем, то ведь никто, кроме самого хозяина, не рискнул бы не то что подступить к коню, а хотя бы войти к нему в станок, за ограду. Не осталось без внимания также и то обстоятельство, что перенять-то его, когда он вырывался с пожарища у Берлифитцинга, трое конюхов переняли, обратав его арканом и цепною уздой, но ни один из них не мог сказать, не покрывив душой, что во время отчаянной схватки или после ему удалось хотя бы тронуть зверя. Не стоит приводить в доказательство поразительного ума, проявленного благородным и неприступным животным, примеры, тешившие праздное любопытство. Но были и такие подробности, от которых становилось не по себе самым отъявленным скептикам и людям, которых ничем не проймешь; и рассказывали, будто временами лошадь начала бить землю копытом с такой зловещей внушительностью, что толпа зевая, собравшихся вокруг поглазеть, в ужасе кидалась прочь, – будто тогда и сам юный Метценгерштейн бледнел и шарахался от быстрого, пытливого взгляда ее человеческих глаз.

Однако из всей челяди барона не было никого, кто усомнился бы в искренности восхищения молодого вельможи бешеным нравом диковинного коня, – таких не водилось, разве что убогий уродец паж, служивший общим посмешищем и мнения которого никто бы и слушать не стал. Он же (если его догадки заслуживают упоминания хотя бы мимоходом) имел наглость утверждать, будто хозяин, хотя это и не всякому заметно со стороны, каждый раз, вскакивая в седло, весь дрожит от безотчетного ужаса, а после обычной долгой проскачки возвращается каждый раз с лицом, перекошенным от злобного ликования.

Однажды, ненастной ночью, пробудившись от глубокого сна, Метценгерштейн с упорством маньяка вышел из спальни и, стремительно вскочив в седло, поскакал в дремучую лесную чащу. Это было делом настолько привычным, что никто и не обратил на отъезд барона особого внимания, но домочадцы всполошились, когда через несколько часов, в его отсутствие, высокие, могучие зубчатые стены твердыни Метценгерштейнов вдруг начали давать трещины и рушиться до основания под напором могучей лавины синевато-багрового огня, справиться с которым нечего было и думать.

Так как пожар заметили, когда пламя успело разгореться уже настолько, что отстоять от огня хотя бы малую часть здания было уже делом явно безнадежным, то пораженным соседям оставалось лишь безучастно стоять кругом в немом, если не сказать благоговейном, изумлении. Но вскоре новое страшное явление заставило все это сборище тут же забыть о пожаре, засвидетельствовав тем самым, насколько увлекательней для толпы вид человеческих страданий, чем самые захватывающие зрелища разгула стихий.

В дальнем конце длинной аллеи вековых дубов, которая вела из леса к парадному подъезду дворца Метценгерштейн, показался скакун, мчащийся всадника с непокрытой головой и в растерзанной одежде таким бешеным галопом, что за ним не угнаться бы и самому Князю Тьмы.

Лошадь несла, уже явно не слушаясь всадника. Искажённое мукой лицо, сведённое судорогой тело говорили о нечеловеческом напряжении всех сил; но кроме одного-единственного короткого вскрика ни звука не сорвалось с истерзанных, искусанных в бессильной ярости губ. Миг – и громкий, настойчивый перестук копыт покрыл рев пламени и завывания ветра; ещё мгновение – и скакун единым махом пролетел в ворота и через ров, мелькнул по готовой вот-вот рухнуть дворцовой лестнице и стигнул вместе с всадником в огненном смерче.

И сразу же унялась ярость огненной бури, мало-помалу все стихло. Белесое пламя ещё облекало саваном здание и, струясь в мирную заоблачную высь, вдруг вспыхнуло, засияло нездешним светом, и тогда тяжело нависшая над зубчатыми стенами туча дыма приняла явственные очертания гигантской фигуры коня.

Герцог де Л'Омлет

И вмиг попал он в климат попрохладней.¹⁷
Каупер

Китс¹⁸ умер от рецензии. А кто это умер от «Андромахи»¹⁹? Монфлери.²⁰ Автор «Parnasse Reforme»²¹ заставляет его говорить в Гадесе²²: «L'homme donc qui voudrait savoir ce dont je suis mort, qu'il ne demande pas s'il fut de fievre ou de podagre ou d'autre chose, mais qu'il entende que ce fut de „L'Andromache“²³? Ничтожные душонки! Де л'Омлет погиб от ортолана²⁴. L'histoire en est breve.²⁵ Дух Апиция²⁶, помоги мне!

Из далекого родного Перу маленький крылатый путешественник, влюбленный и томный, был доставлен в золотой клетке на Шоссе д'Антен. Шесть пэров империи передавали счастливую птицу от ее царственной владелицы, Ла Беллиссимы, герцогу де л'Омлету.

В тот вечер герцогу предстояло ужинать одному. Уединившись в своем кабинете, он полулежал на оттоманке – на той самой, ради которой он нарушил верность своему королю, отбив ее у него на аукционе, – на пресловутой оттоманке Cadet.

Он погружает лицо в подушки. Часы бьют! Не в силах далее сдерживаться, его светлость проглатывает оливку. Под звуки пленительной музыки дверь тихо растворяется, и нежнейшая из птиц предстает перед влюбленным из людей. Но отчего на лице герцога отражается такой ужас?

– Horreur! – chien! – Baptiste! – l'oiseau! ah, bon Dieu! cet oiseau modeste que tu es deshabile de ses plumes, et que tu as servi sans papier!²⁷

Надо ли говорить подробнее? Герцог умирает в пароксизме отвращения.

– Ха-ха-ха! – произнес его светлость на третий день после своей кончины.

– Хи-хи-хи! – негромко откликнулся Дьявол, выпрямляясь с надменным видом.

– Вы, разумеется, шутите, – сказал де л'Омлет. – Я грешил – c'est vrai²⁸ – но рассудите, дорогой сэр, – не станете же вы приводить в исполнение столь варварские угрозы!

– Чего-й-то? – переспросил его величество. – А ну-ка, раздевайся, да поживее!

– Раздеться? Ну, признаюсь! Нет, сэр, я не сделаю ничего подобного. Кто вы такой, чтобы я, герцог де л'Омлет, князь де Паштет, совершеннолетний, автор «Мазуркиады» и член Ака-

¹⁷ И вмиг попал он в климат попрохладней – строка 337 из первой книги поэмы «Задача» (1785) английского поэта Вильяма Каупера (Купера) (1731–1800).

¹⁸ Китс, Джон (1795–1821) – английский поэт, умер в Риме от туберкулеза. Считалось, что его смерть была ускорена резкой критикой его стихов в английском журнале «Ежеквартальное обозрение». Байрон писал Шелли 26 апреля 1821 г.: «Я очень огорчен тем, что вы сообщили мне о Китсе – неужели это правда? Я не думал, что критика способна убить».

¹⁹ «Андромаха» – трагедия Жана Расина (1639–1699), поставленная в ноябре 1667 г.

²⁰ Монфлери – псевдоним французского актера Захари Жако (1595–1667), игравшего в первых постановках пьес Корнеля. Во время исполнения роли Ореста в «Андромахе» Монфлери заболел и через несколько дней умер.

²¹ «Преображенного Парнаса» – (1669) – сочинение французского писателя Габриеля Гере (1641–1688).

²² Гадес – в греческой мифологии бог подземного царства мертвых. Также наименование его царства, мрачной страны, где, согласно Гомеру, скитаются души умерших. Рассуждения, открывающие этот рассказ, были воспроизведены в «Маргиналиях» По, опубликованных в «Годиз ледиз бук» в сентябре 1845 г.

²³ Если кто пожелал бы узнать, отчего я умер, пусть не спрашивает, от лихорадки или от подагры, или еще чего-либо, но пусть знает, что от «Андромахи».

²⁴ Ортолан – птица, известная нежным вкусом своего мяса.

²⁵ Повесть об этом короткая (фр.).

²⁶ Апиций, Марк Габий (I в.) – знаменитый римский гурман, изобрел ряд изысканных кушаний.

²⁷ Ужас! – собака! – Батист! – птица, о боже! Эта скромная птица, с которой ты снял перья и которую подаешь без бумажной обертки! (фр.).

²⁸ Это правда (фр.).

демии, снял по вашему приказу лучшие панталоны работы Бурдона, самый элегантный *robe-de-chambre*²⁹, когда-либо сшитый Ромбером, – не говоря уж о том, что придется еще снимать и папилютки и перчатки...

– Кто я такой? Изволь. Я – Вельзевул³⁰, повелитель мух. Я только что вынул тебя из гроба розового дерева, отделанного слоновой костью. Ты был как-то странно надушен, а поименован согласно накладной. Тебя прислал Белиал³¹, мой смотритель кладбищ. Вместо панталон, сшитых Бурдоном, на тебе пара отличных полотняных кальсон, а твой *robe-de-chambre* просто саван изрядных размеров.

– Сэр! – ответил герцог, – меня нельзя оскорблять безнаказанно. Сэр! Я не премину рассчитывать с вами за эту обиду. О своих намерениях я вас извещу, а пока, *au revoir*³²! – и герцог собирался уже откланяться его сатанинскому величеству, но один из придворных вернул его назад. Тут его светлость протер глаза, зевнул, пожал плечами и задумался. Убедившись, что все это происходит именно с ним, он бросил взгляд вокруг.

Апартаменты были великолепны. Даже де л'Омлет признал их *bien comme il faut*³³. Они поражали не столько длиною и шириною, сколько высотой. Потолка не было – нет – вместо него клубилась плотная масса огненных облаков. При взгляде вверх у его светлости закружилась голова. Оттуда спускалась цепь из неведомого кроваво-красного металла; верхний конец ее, подобно городу Бостону, терялся *parmi les nues*³⁴. К нижнему был подвешен большой светильник. Герцог узнал в нем рубин; но он изливал такой яркий и страшный свет, какому никогда не поклонялась Персия, какого не воображал себе гебр³⁵, и ни один мусульманин, когда, опьяненный опиумом, склонялся на ложе из маков, оборотясь спиною к цветам, а лицом к Аполлону. Герцог пробормотал проклятие, выражавшее явное одобрение.

Углы зала закруглялись, образуя ниши. В трех из них помещались гигантские изваяния. Их красота была греческой, уродливость – египетской, их *tout ensemble*³⁶ – чисто французским. Статуя, занимавшая четвертую нишу, была закрыта покрывалом; ее размеры были значительно меньше. Но видна была тонкая лодыжка и ступня, обутая в сандалию. Де л'Омлет прижал руку к сердцу, закрыл глаза, открыл их и увидел, что его сатанинское величество покраснел.

А картины! Киприда! Астарта! Ашторет!³⁷ Их тысяча, и все это – одно. И Рафаэль видел их! Да, Рафаэль побывал здесь; разве не он написал... и разве не тем погубил свою душу? Картины! Картины! О роскошь, о любовь! Кто, увидев эту запретную красоту, заметил бы изящные золотые рамы, сверкавшие точно звезды на стенах из гиацинта и порфира?

Но у герцога замирает сердце. Не подумайте, что он ошеломлен роскошью или одурманен сладострастным дыханием бесчисленных курильниц. *C'est vrai que de toutes ces choses il a pense beaucoup – mais!*³⁸ Герцог де л'Омлет поражен ужасом; ибо сквозь единственное незанешенное окно он видит пламя самого страшного из всех огней!

*Le pauvre Duc!*³⁹ Ему кажется, что звуки, которые непрерывно проникают в зал через эти волшебные окна, превращающие их в сладостную музыку, – не что иное, как стоны и завывания

²⁹ Халат (фр.).

³⁰ *Вельзевул* – библейское название божества филистимлян, защищавшего от укусов ядовитых мух. Позднее одно из имен властителя ада.

³¹ *Белиал* – в Библии название злого духа. В «Потерянном рае» (I, 490) Дж. Мильтона так назван один из падших ангелов.

³² До свидания (фр.).

³³ Очень приличными (фр.).

³⁴ В облаках (фр.).

³⁵ Гебры – последователи древнеперсидской религии. Почитание ими огня дало основание называть их огнепоклонниками.

³⁶ Общий вид (фр.).

³⁷ *Астарта*, или *Ашторет*, – греческое название древнефиникийской богини плодородия и любви.

³⁸ Правда, обо всех этих вещах он много думал – но! (фр.).

³⁹ Бедный герцог! (фр.).

казнимых грешников. А там? – Вон там, на той оттоманке? – Кто он? Этот *petit-maitre*⁴⁰ – нет, божество – недвижимый, словно мраморная статуя, – и такой бледный – *et qui sourit, si amèrement*⁴¹?

*Mais il fait agir*⁴² – то есть француз никогда не падает сразу в обморок. К тому же его светлость ненавидит сцены; и де л'Омлет овладевает собой. На столе лежит несколько рапир, в том числе обнаженных. Герцог учился фехтованию у Б. – *Il avait tue ses six hommes*⁴³. Значит, *il peut s'échapper*⁴⁴. Он выбирает два обнаженных клинка равной длины и с неподражаемой грацией предлагает их его величеству на выбор. *Horreur!*⁴⁵ Его величество не умеет фехтовать. *Mais il joue!*⁴⁶ – Какая счастливая мысль! – Впрочем, его светлость всегда отличался превосходной памятью. Он заглядывал в «*Diable*»⁴⁷, сочинение аббата Гуалтье⁴⁸. А там сказано, «*que le Diable n'ose pas refuser un jeu d'écarte*»⁴⁹.

Но есть ли шансы выиграть? Да, положение отчаянное, но решимость герцога – тоже. К тому же, разве он не принадлежит к числу посвященных? Разве он не листал отца Лебрена⁵⁰? Не состоял членом Клуба *Vingt-Un*⁵¹? «*Si je perds, – говорит он, – je serai deux fois perdu*⁵², погибну дважды – *voila tout!*⁵³ (Тут его светлость пожимает плечами.) *Si je gagne, je reviendrai a mes ortolans – que les cartes soient preparees!*⁵⁴»

Его светлость – весь настороженность и внимание. Его величество – воплощенная уверенность. При виде их зрителю вспомнились бы Франциск и Карл⁵⁵. Его светлость думал об игре. Его величество не думал; он тасовал карты. Герцог снял.

Карты сданы. Открывают козыря – это – да, это король! нет, дама! Его величество проклял ее мужеподобное одеяние. Де л'Омлет приложил руку к сердцу.

Они играют. Герцог подсчитывает. Талья окончилась. Его величество медленно считает, улыбается и отпивает глоток вина. Герцог сбрасывает одну карту.

– *C'est a vous a faire*⁵⁶, – говорит его величество, снимая. Его светлость кланяется, сдает и подымается из-за стола, *en presentant le Roi*⁵⁷.

Его величество огорчен.

⁴⁰ Щеголь (*фр.*).

⁴¹ Который улыбается так горько (*фр.*).

⁴² Но надо действовать (*фр.*).

⁴³ Он убил шестерых противников (*фр.*).

⁴⁴ Он может спастись (*фр.*).

⁴⁵ Ужас! (*фр.*).

⁴⁶ Но он играет! (*фр.*).

⁴⁷ «Дьявола» (*фр.*).

⁴⁸ Аббат Гуалтье (1745–1818) – французский писатель.

⁴⁹ Дьявол не смеет отказаться от партии экарте (*фр.*).

⁵⁰ Лебрен, Шарль Франсуа (1739–1824) – французский политический деятель и литератор, отец наполеоновского генерала А. Лебрена (1775–1859).

⁵¹ Двадцать одно (*фр.*).

⁵² Если проиграю, я погибну дважды (*фр.*).

⁵³ Вот и все! (*фр.*).

⁵⁴ Если выиграю, вернусь к своим ортоланам. – Пусть приготовят карты! (*фр.*).

⁵⁵ Франциск и Карл – имеется в виду соперничество и вражда французского короля Франциска I (1494–1547) и испанского короля Карла I (1500–1558), претендовавших в 1519 г. на императорскую корону Священной Римской империи. Был избран Карл, ставший императором Карлом V.

⁵⁶ Вам сдавать (*фр.*).

⁵⁷ Предъявляя короля (*фр.*).

Если бы Александр не был Александром, он хотел бы быть Диогеном⁵⁸; герцог же на прощание заверил своего партнера, «que s'il n'eut pas ete De L'Omelette, il n'aurait point d'objection d'etre le Diable».⁵⁹

⁵⁸ Если бы Александр не был Александром, он хотел бы быть Диогеном – слова Александра Великого при встрече с философом Диогеном, который попросил его отойти в сторону и не загроживать лучи солнца (Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Александр, XIV).

⁵⁹ Что, если бы он не был де л'Омлетом, он не возражал бы против того, чтобы быть Дьяволом (*фр.*).

На стенах иерусалимских

Intonsos rigidam in frontem ascendere canos Passus erat...
*Lucan.*⁶⁰

Дикий кабан.⁶¹

– Поспешим на стены, – сказал Абель-Фиттим, обращаясь к Бузи бен Леви и Симону фарисею в десятый день месяца Таммуза⁶², в лето от сотворения мира три тысячи девятьсот сорок первое⁶³. – Поспешим на крепостной вал, примыкающий к Вениаминовым воротам, в граде Давидовом⁶⁴, откуда виден лагерь необрезанных; ибо близится восход солнца, последний час четвертой стражи⁶⁵, и неверные, во исполнение обещания Помпея⁶⁶, приготовили нам жертвенных агнцев.

Симон, Абель-Фиттим и Бузи бен Леви были гизбаримами, то есть младшими сборщиками жертвований в священном граде Иерусалиме.

– Воистину, – отозвался фарисей, – поспешим, ибо подобная щедрость в язычниках весьма необычна, зато переменчивость всегда отличала этих поклонников Ваала⁶⁷.

– Что они изменчивы и коварны, это столь же истинно, как Пятикнижие⁶⁸, – сказал Бузи бен Леви, – но только по отношению к народу Адонаи⁶⁹. Слыхано ли, чтобы аммонитяне⁷⁰ поступались собственной выгодой? Невелика щедрость поставлять нам жертвенных агнцев по тридцати серебряных сиклей⁷¹ с головы!

– Ты забываешь, бен Леви, – промолвил Абель-Фиттим, – что римлянин Помпеи, святотатственно осаждающий град Всевышнего, может подозревать, что купленных жертвенных агнцев мы употребим на потребности нашего тела, а не духа.

– Клянусь пятью углами моей бороды! – воскликнул фарисей, принадлежавший к секте так называемых топальщиков (небольшой группе праведников, которые так усердно истязали себя, ударяя ногами о мостовую, что были живым упреком для менее ревностных верующих и камнем преткновения на пути менее талантливых пешеходов). – Клянусь пятью углами этой бороды, которую мне, как священнослужителю, не дозволено брить! Неужели мы дожили до того, что римский богохульник, язычник и выскочка осмелился заподозрить нас в присвоении священных предметов на потребу плоти? Неужели мы дожили?..

⁶⁰ *Стричь перестав, седины поднял на лоб непреклонный... Лукан. (лат.)* – «Фарсалия, или О гражданской войне», II, 375–376. У Лукана вместо «поднял» – «спустил».

⁶¹ ...дикий кабан – в английском оригинале каламбур, основанный на созвучии слов «кабан» (boar), и «скука» (bore).

⁶² *Таммиз* – в вавилонской и шумерской религии бог растительности, ежегодно умирающий во время жатвы и оживающий весной. Ему поклонялись и иудеи. Именем Таммуза назван десятый месяц еврейского календаря.

⁶³ ...*в лето от сотворения мира три тысячи девятьсот сорок первое* – то есть 63 год до нашей эры.

⁶⁴ *Град Давидов* – район Иерусалима, названный по имени полулегендарного царя Давида (конец XI – начало X в. до н. э.), основателя иудейской династии в Иерусалиме.

⁶⁵ ...*последний час четвертой стражи* – ночной караул в римском войске делился на четыре стражи (вигилии), продолжительность которых менялась в зависимости от времени года.

⁶⁶ *Помпеи, Гней* (106–48 до н. э.) – римский полководец и политический деятель. В 63 г. до н. э. вторгся на территорию Палестины и после трехмесячной осады взял Иерусалим.

⁶⁷ *Ваал* – языческое божество почв и плодородия у древних семитов.

⁶⁸ *Пятикнижие* – первая часть Библии.

⁶⁹ *Адонаи* – древнееврейское обращение к богу, одно из имен бога Ягве в Библии. Народ Адонаи – богоизбранный народ.

⁷⁰ *Аммонитяне* – древний народ, живший в восточной части Палестины и считавший себя потомками библейского Лота; постоянно враждовал с иудеями.

⁷¹ *Сикл* – мелкая серебряная монета в древней Иудее и Персии.

– Не станем допытываться о побуждениях филистимлянина⁷², – прервал его Абель-Фитим, – ибо сегодня впервые пользуемся его великодушием, а может быть, жаждой наживы. Поспешим лучше на городскую стену, дабы не пустовал жертвенник, чей огонь негасим под дождями небесными, а дымный столп неколеблем бурями.

Та часть города, куда поспешали наши почтенные гизбаримы и которая носила имя своего строителя царя Давида, почиталась наиболее укрепленной частью Иерусалима, ибо была расположена на крутом и высоком Сионском холме. Вдоль широкого и глубокого кругового рва, вырубленного в скалистом грунте, была воздвигнута крепкая стена. На стене, через равные промежутки, подымались четырехугольные башни белого мрамора, из которых самая низкая имела в вышину шестьдесят, а самая высокая – сто двадцать локтей. Но вблизи Вениаминовых ворот стена отступала от края рва. Между рвом и основанием стены возвышалась отвесная скала в двести пятьдесят локтей, составлявшая часть крутой горы Мориа. Таким образом, взойдя на башню, носившую название Адони-Бэзек, – самую высокую из всех башен вокруг Иерусалима, откуда обычно велись переговоры с осаждавшими, – Симон и его спутники могли видеть неприятельский лагерь с высоты, на много футов превышающей пирамиду Хеопса, а на несколько футов – даже храм Бела⁷³.

– Воистину, – вздохнул фарисей, опасливо взглянув с этой головокружительной высоты, – необрезанных – что песку в море или саранчи в пустыне! Долина Царя стала долиной Адоммина.

– А все же, – заметил бен Леви, – покажи мне хоть одного неверного – от алефа до тау⁷⁴ – от пустыни до крепостных стен, который казался бы крупнее буквы «иод»⁷⁵!

– Спускайте корзину с серебряными сиклями, – крикнул римский солдат грубым и хриплым голосом, казалось, исходившим из подземных владений Плутона, – спускайте корзину с проклятыми монетами, названия которых благородному римлянину не выговорить – язык сломаешь! Так-то вы благодарны нашему господину Помпею, который снизошел до ваших языческих нужд? Колесница Феба – истинного бога! – уже час, как катит по небу, а ведь вы должны были прийти на крепостную стену к восходу солнца. Эдепол!⁷⁶ Или вы думаете, что нам, покорителям мира, только и дела, что дожидаться у каждой паршивой стены ради торга со всякими собаками? Спускайте, говорю! Да глядите, чтобы ваши дрянные монеты были новенькие и полновесные!

– Эль Элоим!⁷⁷ – воскликнул фарисей, когда резкий голос центуриона прогремел среди скал и замер у стен храма. – Эль Элоим! Что еще за бог Феб? Кого призывает этот богохульник? Ты, Бузи бен Леви, начитан в писаниях необрезанных и жил среди тех, что имеют дело с терафимом⁷⁸; скажи, о ком толкует язычник? О Нергале?⁷⁹ Об Ашиме?⁸⁰ О Нибхазе?⁸¹ Тартаке?⁸²

⁷² *Филистимляне* – древний народ, населявший восточное побережье Средиземного моря и давший название Палестине (страна филистимлян).

⁷³ *Храм Бела* – вавилонский храм огромных размеров, отстроенный царем Навуходоносором в VI в. до н. э.

⁷⁴ *...от алефа до тау* – первая и последняя буквы еврейского алфавита.

⁷⁵ *Иод* – одна из букв еврейского алфавита. Здесь По пародирует выражение «больше, чем буква иод» из популярного в те годы романа Хорейса Смита «Зилла. Повесть о священном граде» (1828).

⁷⁶ *Эдепол* – римское восклицание: «право же!» (буквально: «Клянусь Поллуксом!»).

⁷⁷ *Эль Элоим* – еврейское восклицание: «Боже!»

⁷⁸ *Терафим* – так иудеи называли культ языческого идолопоклонства.

⁷⁹ *Нергал* – бог солнца в вавилонской религии.

⁸⁰ *Ашима* – один из сирийских богов, изображавшийся в виде оленя.

⁸¹ *Нибхаз* – упоминаемый в Библии идол племен аввийцев (Четвертая книга Царств, XVII, 31).

⁸² *Тартак* – согласно Библии (Четвертая книга Царств, XVII, 31), идол аввийцев, имел образ осла и символизировал силы тьмы.

Адрамелехе?⁸³ Анамелехе?⁸⁴ О Суккот-Бенифе?⁸⁵ О Дагоне?⁸⁶ Белиале?⁸⁷ Ваал-Перите?⁸⁸ Ваал-Пеоре?⁸⁹ Или Ваал-Зебубе?⁹⁰

– Ни о ком из них. Но не отпускай веревку чересчур быстро; корзина может зацепиться за выступ вон той скалы, и тогда горе нам! – ибо ценности святилища будут из нее извергнуты.

С помощью грубого приспособления тяжело нагруженную корзину спустили в толпу солдат; и сверху было смутно видно, как римляне собрались вокруг; но огромная высота и туман мешали разглядеть, что там делается.

Прошло полчаса.

– Мы опоздаем, – вздохнул по прошествии этого времени фарисей, заглядывая в пропасть, – мы опоздаем! Кафалим снимет нас с должности.

– Никогда больше не вкушать нам от тука земли⁹¹! – подхватил Абель-Фиттим. – Не умащать бороды благовонным ладаном, не повивать чресел тонким храмовым полотном.

– Рака!⁹² – выругался бен Леви. – Рака! Уж не вздумали ли они украсть наши деньги? О, святой Моисей! Неужели они взвешивают священные сикли скинии⁹³?

– Вот наконец-то сигнал! – воскликнул фарисей. – Сигнал! Подымай, Абель-Фиттим! Тяни и ты, Бузи бен Леви! Либо филистимляне еще не отпустили корзину, либо Господь смягчил их сердца, и они положили нам увесистое животное!

И гизбаримы из всех сил тянули за веревку, а корзина медленно поднималась среди сгустившегося тумана.

– Бошох хи! – вырвалось у бен Леви спустя час, когда на конце веревки обозначилось что-то неясное. – Бошох хи!

– Бошох хи! Вот тебе на! Это, должно быть, баран из энгедийских⁹⁴ рощ, косматый, как долина Иосафата⁹⁵!

– Это первенец стада, – сказал Абель-Фиттим. – Я узнаю его по бляению и по невинным очертаниям тела. Глаза его прекраснее самоцветов из священного нагрудника⁹⁶, а мясо подобно меду Хеврона⁹⁷.

– Это тучный телец с пастбищ Васана⁹⁸, – промолвил фарисей. – Язычники поступили великодушно. Воспоем же хвалу. Вознесем благодарность на гобоях и псалтерионах. – Заиграем на арфах и на кимвалах, на цитрах и саквебутах⁹⁹.

Только когда корзина была уже в нескольких футах от гизбаримов, глухое хрюканье возвестило им приближение огромной свиньи.

⁸³ *Адрамелех* – в Библии имя ассирийского бога, которому приносили в жертву детей.

⁸⁴ *Анамелех* – ассирийское божество, которому, как и Молоху, приносили человеческие жертвы. Изображался в виде лошади.

⁸⁵ *Суккот-Бениф* – в вавилонской религии божество, о котором говорится в Библии (Четвертая книга Царств, XVII, 30).

⁸⁶ *Дагон* – божество, которому поклонялись филистимляне. Культ Дагона близок культу бога Ваала.

⁸⁷ *Белиал* – в Библии название злого духа. В «Потерянном рае» (I, 490) Дж. Мильтона так назван один из падших ангелов.

⁸⁸ *Ваал-Перит* – согласно Библии (Числа, XXV, 1–9), моавитский бог.

⁸⁹ *Ваал-Пеор* – божество, упоминаемое в Библии (буквально: «Господин горы Пеор», священной горы, расположенной к северо-востоку от Мертвого моря).

⁹⁰ *Ваал-Зебуб* – Вельзевул.

⁹¹ *Тук земли* – библейское выражение (Бытие, XLV, 18), означающее плоды земли.

⁹² *Рака* – библейское ругательство (Евангелие от Матфея, V, 22).

⁹³ *Скиния* – священный храм у иудеев.

⁹⁴ *Энгеди* – местность на берегу Мертвого моря.

⁹⁵ *Долина Иосафата* – долина вблизи Иерусалима, носящая имя иудейского царя IX в. до н. э.

⁹⁶ *Нагрудник* – имеется в виду драгоценная пластинка, которую носили на груди верховные священнослужители Иудеи.

⁹⁷ *Хеврон* – древний город южнее Иерусалима.

⁹⁸ *Васан* – область на юге Сирии.

⁹⁹ *Саквебут* – древний духовой музыкальный инструмент.

– Эль Эману! – воскликнули все трое, возводя глаза к небу и выпуская из рук веревку, отчего освобожденная свинья полетела на головы филистимлян. – Эль Эману! С нами бог! Это трешное мясо!¹⁰⁰

¹⁰⁰ *Трешное мясо* – иудейская религия запрещает употребление в пищу свиного мяса и считает его нечистым.

Потеря дыхания

Рассказ не то блэквудовский, не то нет

*О! не дыши и т. д.
«Мелодии» Мура*

Самое упорное бедствие уступает непреодолимому мужеству философии, как самый неприступный город – неутомимой бодрости врага. Салманассар, – читаем мы в Библии, – три года стоял под Самарией, и она сдалась. Сарданапал – смотри у Диодора – семь лет отсиживался в Ниневии; – и все ни к чему. Троя пала в конце второго люстра; а Азот, – по словам Аристия, который дает в этом честное слово благородного человека, – отворил Псамметиху ворота, продержав их на запоре пятую часть столетия.

– Ах ты, ведьма!.. Ах ты, хрычовка!.. Ах ты, чертовка! – сказал я моей жене на другое утро после нашей свадьбы. – Ах ты, колдунья!.. Ах ты, баба-яга!.. Ах ты, негодница!.. Ах ты, ушат всякой гадости!.. Ах ты, смазливая квинтэссенция всяческой мерзости! – Ах ты... Ах ты... – тут я поднялся на цыпочки, схватил ее за горло, приложил губы к ее уху и готовился изрыгнуть новый и более сильный эпитет, который, без сомнения, убедил бы мою супругу в ее ничтожестве, – как вдруг, к моему крайнему изумлению и ужасу, почувствовал, что мне не передохнуть.

Фразы: «я не в силах дух перевести», «не передохнуть» и т. п. весьма часто употребляются в обыкновенном разговоре. Но я никогда не слыхал, чтобы такое ужасное происшествие случилось *bona fide*¹⁰¹ и на деле. Вообразите же, – если, конечно, вы одарены хоть крупицей воображения, – вообразите себе мое удивление, мой ужас, мое отчаяние.

Но мой добрый гений никогда не покидает меня. В минуты самого крайнего волнения я сохраняю чувство приличия, *et le chemin de passions me conduit* – как выражается лорд Эдуард в «Юлии», говоря о самом себе – *à la philosophie veritable*¹⁰². Я не мог в первую минуту определить вполне точно, что такое со мной случилось, но, во всяком случае, решился скрыть от жены это приключение, пока дальнейший опыт не укажет мне размеры постигшего меня бедствия. Итак, моментально заменив разъяренное и расстроенное выражение моего лица маской лукавого и кокетливого благодушия, я потрепал мою благоверную по щечке, поцеловал в другую и, не говоря ни слова (Фурии! я не мог), оставил ее, изумленную моим дурачеством, выпорхнув из комнаты легким *par de Zéphyr*¹⁰³.

И вот я в своем *boudoir* – куда благополучно добрался – ужасный образчик печальных последствий раздражительности – живой, но с признаками мертвого – мертвый, но с наклонностями живого – существо спокойное, по бездыханное.

Да! бездыханное. Seriously говорю: мое дыхание прекратилось совершенно. Оно не могло бы пошевелить пера или отуманить поверхность зеркала. Жестокая судьба! Впрочем, за первым припадком подавляющей скорби последовало некоторое облегчение. Я убедился на опыте, что способность речи, так внезапно отнявшаяся у меня, когда я беседовал с женой, не вполне утрачена мною, и если бы в момент этого интересного кризиса я догадался понизить голос до низких горловых звуков, то мог бы еще выразить ей свои чувства. Эти звуки (горловые) зависели, как я убедился, не от воздушного тока, производимого дыханием, а от особенных спазматических сокращений горловых мускулов.

¹⁰¹ По чистой совести (*лат.*).

¹⁰² И дорога страстей ведет меня к истинной философии (*фр.*).

¹⁰³ Па-де-зефир (*фр.*).

Бросившись в кресло, я погрузился в глубокие размышления. Размышления, конечно, не утешительного свойства. Меня обуревали тысячи смутных и плаксивых фантазий, мелькнула даже мысль о самоубийстве; но характерная черта извращенной человеческой природы – отталкивать ясное и доступное ради отдаленного и двусмысленного. Так и я испугался самоубийства как ужаснейшей жестокости, между тем как пестрая кошка громко мурлыкала на ковре, а ньюфаундленд усердно визжал под столом, очевидно хвастаясь силой своих легких и издеваясь над моим бессилием.

Подавленный роем смутных опасений и надежд, я услышал наконец шаги моей жены, которая спускалась по лестнице. Убедившись, что она ушла, я с замирающим сердцем вернулся на место происшествия.

Затворив дверь на замок, я усердно принялся за поиски. Возможно, думал я, что предмет моих поисков спрятался где-нибудь в уголку, или шмыгнул в какой-нибудь сундук или комод. Может быть, он имеет парообразную, или даже вполне осязаемую форму. Большинство философов рассуждают совершенно не философично о многих пунктах философии. Однако же Вильям Годвин говорит в своем «Мандевилле», что «только невидимые вещи реальны»: это как раз подходит к данному случаю. Не торопитесь, справедливый читатель, признавать мои утверждения чересчур нелепыми. Анаксогор, если помните, утверждал, что снег черен, и я сам убедился в справедливости его мнения.

Долго и упорно продолжал я поиски, но мизерной наградой за мою настойчивость и трудолюбие были только набор фальшивых зубов, две пары седалищных костей, глаз и пачка *billets-doux*¹⁰⁴ мистера Ветрогона к моей жене. Замечу, что это явное доказательство пристрастия моей супруги к м-ру В. не особенно огорчило меня. Миссис Выбейдух не могла не восхищаться чем-либо, совершенно непохожим на меня. Это было совершенно естественно. Я, как всем известно, при крепком и плотном сложении отличаюсь малым ростом. Мудрено-ли, что жердеобразная фигура моего приятеля, при его вошедшей в пословицу долговязости, нашла достоподобную оценку в глазах миссис Выбейдух. Но вернемся к делу.

Как я уже сказал, мои поиски оказались безуспешными. Ящик за ящиком, комод за комодом, уголок за уголком были обысканы без всякого результата. Однажды, впрочем, мне показалось, что я нашел свою пропажу, именно когда, роюсь в платяном шкафу, я нечаянно разбил флакон Гранжановского Масла Архангелов, которое, кстати сказать, обладает очень приятным запахом, так что я беру на себя смелость рекомендовать его вам.

Со стесненным сердцем вернулся я свой в *boudoir*, обдумать, каким способом обмануть мне проницательность жены, пока не улажу всего, что нужно для отъезда из страны, на что я твердо решился. Я надеялся, что под чуждым небом, среди незнакомых людей, мне удастся скрыть свое несчастье, – несчастье, которое еще сильнее, чем нищета, действует на массу и привлекает на человека справедливое негодование добродетельных и счастливых. Я не долго думал. Обладая природной живостью, я повторил в уме всю трагедию «Метамора». Я припомнил, что декламация этой драмы, по крайней мере, в тех местах ее, которые относятся к самому герою, вовсе не требует именно тех тонов, которых не доставало моему голосу, что в ней все время господствует монотонный низкий горловой звук.

Я начал с прогулок по берегам одного известного болота – не из подражания подобным же прогулкам Демосфена, а для своих собственных специальных целей. Вооружившись таким образом с головы до ног, я постарался убедить жену, что воспылал внезапной страстью к театру. Это удалось на диво; и вскоре я мог свободно отвечать на любой вопрос или замечание цитатами из трагедии, произнося их гробовым тоном квакающей лягушки. К довершению удовольствия, я убедился, что все места трагедии одинаково подходят для этой цели. Как водится, произнося эти тирады, я поглядывал искоса, скалил зубы, дергал коленями, дрыгал ногами,

¹⁰⁴ Любовных записочек (фр.).

вообще проделывал всю ту мимику, которая справедливо считается принадлежностью хорошего актера. Конечно, мои знакомые поговаривали, будто на меня следует надеть смирительную рубашку, – зато ни один из них не догадался, что я потерял дыхание.

Покончив наконец с делами, я рано утром уселся в почтовую карету, уверив предварительно моих знакомых, будто мне необходимо отправится в..... по важному делу.

Карета была битком набита, но в сумраке раннего утра я не мог разглядеть лица моих спутников. Не оказывая никакого сопротивления, я позволил усадить себя между двумя джентльменами колоссальных размеров; тогда как третий, еще большего объема, попросив извинения за свою вольность, навалился на меня всем телом и моментально заснул, заглушив мои гортанные вопли о помощи храпом, который заставил бы покраснеть рев быка Фалариса. К счастью, состояние моих дыхательных способностей исключало всякую возможность задушения.

Как бы то ни было, с наступлением дня, когда мы приближались к предместьям города, мой мучитель проснулся и, поправив воротничок, дружески благодарил меня за любезность. Видя, что я остаюсь без движения (все мои члены были вывихнуты и голова свернута на бок), он встревожился и, разбудив остальных пассажиров, сообщил им очень решительным тоном, что, по его мнению, к ним подсунули ночью мертвеца под видом живого и правоспособного пассажира: при этом, в подтверждение своих слов, он ткнул меня в правый глаз.

После этого все, один за другим (всего было девять человек) сочли своим долгом подергать меня за ухо. Молодой, начинающий врач приложил к моим губам карманное зеркальце и, убедившись, что я не дышу, подтвердил мнение моего гонителя. Тогда все объявили, что не потерпят подобного обмана и не согласны путешествовать со всякой падалью.

Итак, меня выбросили у ворот гостиницы «Ворона» (мимо которой дилижанс проезжал в эту минуту), причем левое заднее колесо переломило мне обе руки. Я должен отдать справедливость кондуктору; он был настолько добросовестен, что выбросил самый большой из моих чемоданов, причем, к несчастью, попал мне прямо в голову и раздробил череп самым любопытным и замечательным образом.

Хозяин «Вороны», человек гостеприимный, убедившись, что содержимое моего чемодана вознаградит его за хлопоты, послал за хирургом и уступил меня ему за десять долларов.

Покупатель отнес меня к себе и немедленно принялся за операцию. Однако, отрезав мне оба уха, он заметил во мне признаки жизни. Тогда он позвонил и послал за соседним аптекарем, чтобы обсудить сообща это обстоятельство. В ожидании, что его подозрения подтвердятся, он разрезал мне живот и вынул из него различные внутренности, имея в виду исследовать их впоследствии.

Аптекарь высказал мнение, что я действительно помер. Я постарался опровергнуть это мнение самыми бешеными телодвижениями, судорогами и прыжками: дело в том, что операции хирурга до некоторой степени вернули мне власть над моим телом. Но все эти движения были приписаны действию гальванической батареи, с помощью которой аптекарь произвел ряд весьма любопытных опытов, которыми я со своей стороны крайне заинтересовался. Во всяком случае, был жестоко огорчен, убедившись, что, несмотря на все попытки заговорить, не могу даже разинуть рот; тем менее опровергнуть остроумные, но фантастические теории аптекаря, которые при других обстоятельствах я без труда разбил бы в пух и прах, так как хорошо знаком с гиппократовской патологией.

Не придя ни к какому определенному заключению, врачи решили отложить меня для дальнейших исследований. Я был перенесен на чердак; супруга врача надела на меня чулки и панталоны, а сам врач связал мне руки и стянул челюсти носовым платком, затем замкнул дверь снаружи и ушел обедать, предоставив мне размышлять в уединении.

Я вскоре с восхищением заметил, что мог бы говорить, если бы мой рот не был завязан носовым платком. Утешаясь этим соображением, я повторил про себя несколько строк из

«Вездесущия Божия», что обыкновенно делал перед сном, как вдруг две кошки, алчного и подозрительного вида, выскочили из отверстия в стене, распевая арии Ю la Catalani, и, усевшись друг против дружки на моей физиономии, предались неприличной распре, с большим ущербом для моего носа.

Но как потеря ушей возвела на престол Кира персидского Мага, как утрата носа помогла Зопиру овладеть Вавилоном, так потеря нескольких унций физиономии спасла мое тело. Раздраженный болью и пылая негодованием, я разом порвал свои узы и повязку. Я прошелся по чердаку, бросая презрительные взгляды на дерущихся, и, распахнув, к их крайнему ужасу и отчаянию, ставни, ловко выбросился из окна.

В это самое время из городской тюрьмы везли на виселицу, устроенную в предместье, известного грабителя дилижансов В., который замечательно походил на меня лицом. В виду его крайней дряхлости и продолжительной болезни он был избавлен от оков и лежал в тележке палача (которая проезжала в эту минуту как раз под окнами хирурга) в виселичном костюме, очень похожем на мой, – под надзором заснувшего возницы и двух пьяных рекрутов шестого пехотного полка.

Надо же было мне, выскочив из окна, попасть прямо в тележку. В. малый очень остроумный не преминул воспользоваться удобным случаем. Вскочив на ноги, он спрыгнул с тележки и во мгновение ока исчез из вида. Рекруты, разбуженные шумом, не могли сообразить, в чем дело. Увидав человека, походившего как две капли воды на преступника и стоявшего во весь рост на тележке, они вообразили, что мошенник (подразумевая В.) собирается удрать (их подлинное выражение), и, сообщив друг другу свои мнения на этот счет, хватили по чарке водки, а затем сбили меня с ног прикладами ружей.

Вскоре мы прибыли на место назначения. Разумеется, никто не сказал ни слова в мою защиту. Рок судил мне виселицу. Итак, я покорился судьбе не без горечи, но, в общем, довольно равнодушно. Будучи немного циником по натуре, я обладал всеми чувствами собаки. Палач надел мне петлю на шею. Доска упала – я повис.

Не стану описывать свои ощущения на виселице, хотя без сомнения мог бы сообщить много интересного на эту тему, тем более что никто еще не сказал ничего путного об этом предмете. Дело в том, что изобразить чувства повешенного может лишь тот, кто был повешен. Автор может судить лишь о том, что он сам испытал. Так Марк Антоний написал трактат о пьянстве.

Замечу, во всяком случае, что я не умер. Не имея дыхания, я не мог задохнуться; и если бы не узел под моим левым ухом, я не испытывал бы ни малейшего неудобства. Правда, меня сильно дернула веревка, когда опускающая доска ускользнула из-под моих ног, но этот толчок только вправил мне шею, вывихнутую толстым джентльменом в дилижансе.

Во всяком случае, я не хотел разочаровать публику. Говорят, мои конвульсии были необычайны. Мои судороги были неподражаемы. Толпа кричала bis. Мужчины падали в обморок, женщин уносили в истерике. Пинксит воспользовался случаем, чтобы исправить свою удивительную картину «Марсиас, с которого сдирают кожу заживо».

Когда я достаточно позабавил толпу, решили снять меня с виселицы, тем более что настоящий преступник был в это время пойман и узнан, – факт, к сожалению, оставшийся неизвестным для меня.

Разумеется, ко мне отнеслись с большим сочувствием и так как никто не предъявил прав на мое тело, то решено было похоронить меня в общественном склепе.

Тут меня и положили после надлежащих церемоний. Могильщик ушел, и я остался один. Стих из «Недовольного» Марстона –

«Смерть хороший малый, ее дом открыт для всех», –

вспомнился мне в эту минуту и показался очевидной ложью.

Как бы то ни было, я сбросил крышку со своего гроба и вылез вон. Помещение оказалось очень сырым и мрачным, меня начинала томить скука. Чтобы развлечься, я стал прогуливаться среди гробов, расставленных кругом. Я снимал с них крышки, одну за другой, и предавался размышлениям о бранных останках, которые в них заключались.

– Вот этот – говорил я, наткнувшись на распухший, одутловатый, круглый труп, – вот этот был во всех отношениях несчастный, злополучный человек. Его постигла жестокая участь: он мог ковылять, а не ходить, он брел по жизненному пути не как разумное существо, а подобно слону, не как человек, а как носорог.

– Его попытки двигаться вперед терпели неудачу, а его круговращательная походка представляла жалкое зрелище. Сделав шаг вперед, он делал два вправо и два влево. Он мог читать только стихотворения Краббе. Он не имел понятия о чудесах пируэта. Для него *pas de rapillon*¹⁰⁵ был чисто абстрактной идеей. Он никогда не взбирался на вершину горы. Он никогда не обозревал великолепную столицу с высокой башни. Жара была его смертный враг. В лучшее время года он терпел худшие муки. Ему грезилось пламя и удушливый дым – горы, нагроможденные на горы, Пелион на Оссе. Он страдал одышкой, этим все сказано. Он не признавал игры на духовых инструментах. Он изобрел самодвижущийся веер, виндзейль и вентилятор. Он покровительствовал фабриканту мехов Дюпону и умер жалкою смертью, пытаясь затянуться сигарой. Его участь глубоко интересует меня, его судьба возбуждает мои искренние симпатии. Но здесь, – продолжал я, презрительно вытаскивая из гроба длинную, сухопарую фигуру, странная наружность которой показалась мне неприятно знакомой, – здесь лежит негодяй, не заслуживающий ни малейшего сожаления. – Говоря это и желая рассмотреть фигуру поближе, я взял ее за нос большим и указательным пальцами, привел в сидячее положение и держал в таком виде, продолжая свой монолог.

– Не заслуживающий, – повторил я, – ни малейшего сожаления. Кому придет в голову сожалеть о тени? к тому же разве он не воспользовался всеми благами, достаемыми на долю смертного? Он изобретатель высоких монументов, башни для литья дробы, громоотводов, пирамидальных тополей. Его трактат о «Тенях» и «Оттенках» обессмертил его. Он рано поступил в училище и изучал пневматику. Затем он вернулся домой, говорил без умолку и играл на альпийском рожке. Он поощрял игру на волынке. Капитан Барклай, который шел против времени, не решился бы пойти против него. Он умер славною смертью, вдыхая газ, *lacvique flatu corrumpitur*¹⁰⁶, – подобно *fama pudicitiae*¹⁰⁷ Иеронима¹⁰⁸. Он был без сомнения...

– Как вы можете? Как... вы... можете? – перебил объект моих рассуждений, задыхаясь и отчаянным усилием срывая повязку, стягивающую его челюсть, – как вы можете, мистер Выбейдух, так адски жестоко дергать меня за нос! Разве вы не видите, что у меня завязан рот, – и должны же вы знать – если что-нибудь знаете – какой у меня избыток дыхания! Если же не знаете, садитесь, увидите сами. – В моем положении очень приятно развязать кому-нибудь рот – побеседовать с кем-нибудь – потолковать с господином вроде вас, который не станет прерывать рассуждений джентльмена. – Перерывы несносны, их нужно запретить, – не правда ли? – не отвечайте, прошу вас, – довольно одному говорить за раз. – В свое время я кончу и тогда можете начать вы. – За каким чертом, сударь, вы забрались в это место? – Ни слова, умоляю вас! – Сам попал сюда, – ужасный случай! – Слыхали, конечно? – страшное несчастье! – шел под вашими окнами – не так давно – вы тогда помешались на театре – невероятное приключение! – Слышу: «уловил дыхание» – придержите язык, говорят вам! – улавливаю чье-то

¹⁰⁵ Па-де-папильон (*фр.*).

¹⁰⁶ От слабого дуновения погибает (*лат.*).

¹⁰⁷ Добрая слава целомудренности (*лат.*).

¹⁰⁸ *Tenera res in feminis fama pudicitiae, et quasi flos pulcherrimus, cito ad levem marcessit auram, levique flatu corrumpitur, maxime etc.* – Hieronymus ad Salvinam. (Деликатная вещь – добрая слава женщин, и, как прекраснейший цветок, вянет от легкого ветра, от легкого дуновения портится.)

дыхание – а у меня и своего избыток – встречаю на углу Болтуна, – дайте же сказать слово! – не могу издать звука, – падаю в припадке эпилепсии. – Черт побори дураков! – приняли меня за мертвого и стащили сюда, – ловкая штука, нечего сказать! – слышал все, что вы говорили обо мне, – каждое слово ложь, – ужасная! – поразительная! – оскорбительная! – отвратительная! – непонятная, et cetera, et cetera, et cetera, et cetera¹⁰⁹.

Невозможно себе представить мое изумление при этой неожиданной речи; и мою радость, когда я малопомалу убедился, что дыхание, так удачно пойманное этим джентльменом (в котором я не замедлил узнать моего соседа Ветрогона), было мое собственное дыхание, утерянное мною во время разговора с моей женой. Место, время и обстоятельства не оставляли сомнения на этот счет. Я, однако, не выпустил немедленно обонятельный орган мистера В., а, а продолжал держаться за него все время, пока изобретатель пирамидальных тополей удостаивал меня своими объяснениями.

Поступая таким образом, я руководился благоразумием, которое всегда составляло мою отличительную черту. Я понимал, что на пути к моему спасению могут возникнуть многочисленные затруднения, для преодоления которых потребуются крайнее напряжение сил с моей стороны. Есть много людей, думал я, склонных оценивать блага, доставшиеся на их долю, – хотя бы совершенно бесполезные для них, хотя бы причинявшие им только беспокойство и огорчение, – в прямом отношении с выгодами, которые извлекут другие от приобретения этих благ или они сами, отказавшись от них. В данном случае может оказаться то же самое. Если я выражу беспокойство по поводу дыхания, от которого мистер Ветрогон рад бы был избавиться в настоящую минуту, то этим самым рискую сделаться жертвой его скупости. Есть негодяи на этом свете, подумал я со вздохом, готовые сыграть штуку даже с ближайшим соседом. К тому же (это замечание из Эпиктета) именно в то время, когда человек жаждет сбросить с себя груз бедствий, у него всего меньше охоты облегчать от подобного груза других.

Под влиянием этих соображений, я продолжал держать за нос мистера В. и обратился к нему со следующей речью:

– Чудовище! – сказал я тоном глубочайшего негодования, – чудовище и вдвойне-дышащий идиот! как смеешь ты, которого небу угодно было покарать двойным дыханием, как смеешь ты обращаться ко мне с фамильярной речью старого знакомого? «Я лгу», в самом деле! и «придержите язык», конечно! – прекрасные выражения, что и говорить, при обращении к джентльмену с одним дыханием! и это в то самое время, когда я могу облегчить бедствие, столь справедливо постигшее тебя, взяв на себя избыток твоего жалкого дыхания.

Подобно Бруту, я остановился в ожидании ответа, с которым мистер Ветрогон обрушился на меня точно смерч. Протест следовал за протестом, оправдание за оправданием. Не было условий, на которые бы он не соглашался, и не было условий, которыми бы я не воспользовался.

Когда наконец мы столковались, мой приятель передал мне дыхание, а я (тщательно рассмотрев его) выдал расписку в получении – не сейчас, а позднее.

Я уверен, что многие будут порицать меня за слишком беглый отчет о такой неосязаемой сделке. Они, без сомнения, скажут, что я должен был гораздо подробнее распространиться о происшествии, которое (с этим нельзя не согласиться) может бросить свет на многие интересные отрасли естественной философии.

На это я, к сожалению, ничего не могу возразить. Я должен ограничиться намеком, не более. Были обстоятельства... но, по здравом размышлении, я думаю, что гораздо лучше не распространяться о деле столь деликатном, повторяю, столь деликатном и в то же время затрагивающем интересы третьего лица, ехидную злость которого я вовсе не желаю навлечь на себя.

Вскоре после нашей сделки нам удалось выбраться из подземелья. Соединенные силы наших голосов были достаточно велики. «Ножницы», орган Вига, напечатали статью о «при-

¹⁰⁹ И прочее... и прочее... и прочее... (лат.).

роде и происхождении подземных шумов». Ответ, опровержение, возражение и оправдание, появился на столбцах «Демократической Газеты». Чтобы разрешить спор, отворили склеп, и тут появление мистера Ветрогона и меня показало, что обе стороны ошибались.

Заканчивая этот отчет о некоторых замечательных происшествиях в жизни, вообще богатой приключениями, считаю своим долгом еще раз обратить внимание читателя на достоинства той безразличной философии, которая является вернейшим и надежнейшим щитом против бедствий невидимых, неосязаемых и не вполне понятных. Совершенно в духе этой мудрости древние евреи верили, что врата райские обязательно растворяются перед грешником или праведником, у которых достаточно хорошие легкие и довольно уверенности, чтобы крикнуть «аминь». Равным образом, когда чума опустошала Афины и все средства были перепробованы без успеха, Эпименид (по словам Лаэртция) совершенно в духе этой мудрости посоветовал воздвигнуть алтарь и храм «истинному Богу».

Литтльтон Барри.

Бон-Бон

Что Пьер Бон-Бон был ресторатор с необыкновенными достоинствами, этого, я полагаю, не решится отрицать никто из людей, посещавших маленькое кафе в Cul-de-Sac Лефевбр¹¹⁰ в Руане. Что Пьер Бон-Бон был не менее выдающийся философ своего времени, это еще неоспоримее. Без сомнения, его паштеты были безупречны; но какое перо способно воздать должное его эссе о природе, его мыслям о душе, его наблюдениям о разуме? Если его омлеты, его фрикандо были неоценимы, то какой литератор его эпохи не заплатил бы за «идеи Бон-Бона» вдвое больше, чем за все «Идеи» всех остальных «ученых», вместе взятых? Бон-Бон рылся в таких библиотеках, где никто другой не рылся, прочел столько, что никто другой не мог бы даже представить себе такой груды книг, понял больше, чем всякий другой считал возможным понять; и хотя в эпоху его славы нашлись в Руане авторы, утверждавшие, будто «его высказывания не обладают чистотой слога Академии, ни глубиной Лицея», хотя его доктрины были поняты далеко не всеми, но отсюда вовсе не следует, что их было трудно понять. Я думаю, что многие считали их темными именно вследствие их очевидности. Бон-Бону сам Кант обязан своей метафизикой. Он не был ни платоником, ни, строго говоря, аристотелианцем; он не тратил, подобно новейшему Лейбницу, драгоценных часов, которые могли бы быть употреблены на изобретение какого-нибудь фрикасе, на анализ какого-нибудь ощущения, – он не тратил их на дерзкие попытки примирить масло и воду этических споров. Вовсе нет. Бон-Бон был иониец – Бон-Бон был также италиец. Он рассуждал *a priori*¹¹¹, он рассуждал также *a posteriori*¹¹². Его идеи были врожденные или, наоборот, приобретенные. Он верил в Георгия Трапезундского, верил в Виссариона. Бон-Бон был рьяный бон-бонист.

Я говорю о философе, как о рестораторе. Но да не подумает кто-либо из моих друзей, что наш герой недостаточно ценил важность и достоинство профессиональных обязанностей, доставшихся ему по наследству. Вовсе нет. Трудно сказать, какой стороной своей деятельности он больше гордился. По его мнению, сила инстинкта имела теснейшую связь со способностями желудка. Я, право, не знаю, стал ли бы он спорить с китайцами, по мнению которых, душа помещается в животе. Во всяком случае, греки, по его мнению, были совершенно правы, обозначая одним и тем же именем душу и грудобрюшную преграду. Говоря это, я отнюдь не думаю намекнуть на его обжорство или какой-либо недостаток, предосудительный для метафизика. Если Пьер Бон-Бон имел свои слабости, – какой же великий человек не имел их тысячи? – если Пьер Бон-Бон имел свои слабости, то самые невинные, которые в другом человеке были бы, пожалуй, сочтены за добродетели. Об одной из этих слабостей я не стал бы даже упоминать, если бы она не была крайне выдающейся чертой в его характере. Он никогда не мог удержаться, если представлялся случай что-нибудь купить или продать.

Он не был корыстолюбив, нет. Для нашего философа вовсе не требовалось, чтобы сделка принесла ему выгоду. Лишь бы сделка состоялась – какого угодно рода, на каких угодно условиях, при каких угодно обстоятельствах, – и торжествующая улыбка в течение многих дней озаряла его лицо, а лукавое подмигивание свидетельствовало о его проницательности.

Такая странная особенность в любую эпоху возбудила бы внимание и толки. А если бы она осталась незамеченной в эпоху, к которой относится наш рассказ, так это было бы истинным чудом. Вскоре обратили внимание, что во всех подобных случаях улыбка Бон-Бона резко отличалась от добродушного смеха, которым он сопровождал собственные шутки или приветствовал знакомого. Пошли тревожные слухи; рассказывались истории опасных сделок,

¹¹⁰ Тупике Лефевбр (*фр.*).

¹¹¹ На основании ранее известного (*лат.*).

¹¹² Исходя из опыта (*лат.*).

заключенных на скорую руку и оплаканных на досуге; приводились примеры необъяснимых побуждений, смутных желаний, противоестественных наклонностей, внушенных виновником всякого зла для каких-то своих собственных целей.

У нашего философа были и другие слабости, но вряд ли стоит разбирать их серьезно. Так, например, люди глубокого ума в большинстве случаев обнаруживают пристрастие к бутылке. Является ли это пристрастие причиной или доказательством глубины ума – вопрос тонкий. Бон-Бон, насколько мне известно, считал этот предмет недоступным детальному исследованию, – я с ним согласен. Но и отдавая дань этой истинно классической склонности, ресторатор не упускал из вида тонкого вкуса, отличавшего его эссе и его омлеты. Свой час был для бургундского, свое время для Côtes du Rhone¹¹³

¹¹³ Котдюрон (фр.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.